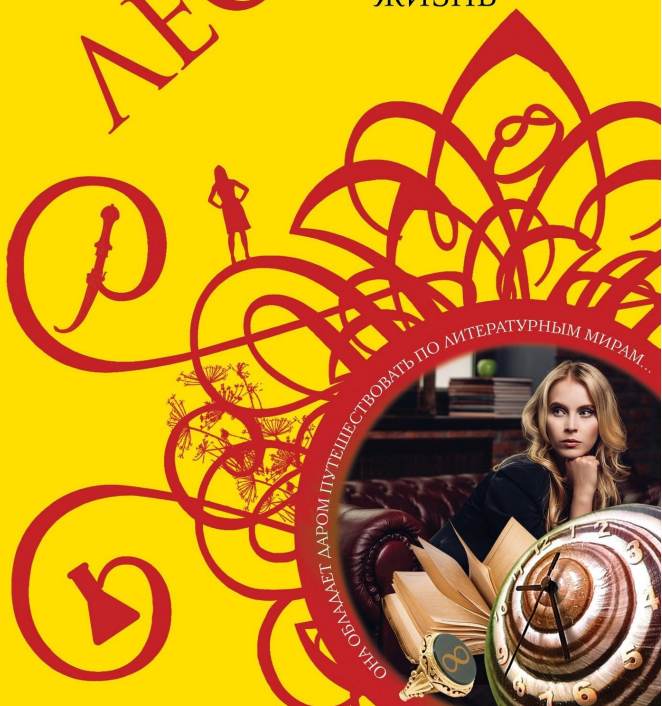

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЕЕ НАСТОЯЩАЯ
ЖИЗНЬ

ОНА ОБМАНЕТ ДАРОМ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ МИРАМ...

Антон Валерьевич Леонтьев
Ее настоящая жизнь
Серия «Авантюрная мелодрама»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62890386

Ее настоящая жизнь: [роман] / Антон Леонтьев: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-116133-0

Аннотация

Нина Арбенина обладает редким даром путешествовать по книжным мирам, и это не просто развлечение, а миссия. События в литературной вселенной происходят совсем не так, как во всемирно известных романах, а развиваются по своим внутренним законам, зато на них можно влиять, чем Нина успешно занимается. У девушки есть личная заинтересованность в том, чтобы докопаться до истины и восстановить справедливость: если этого не сделать, литературный портал Нины будет заблокирован, а ее саму вместе с любимым сошлют без права возвращения неизвестно куда...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Антон Валерьевич Леонтьев

Ее настоящая жизнь

© Леонтьев А. В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Можете всегда положиться на убийцу в отношении затейливости прозы.

Владимир Набоков. «Лолита»

Он *едва не* опоздал на поезд. Нина, волнение которой с каждой минутой нарастало, теребила перчатку все сильнее (а на ней, как и полагалось порядочной барышне конца сороковых, были изящные лайковые перчатки) и не знала, что ей делать: зайти в поезд или остаться на платформе нью-йоркского Пенсильванского вокзала?

Буквально за минуту до отправления, когда Нина приняла уже решение, что в поезд на Пенн-стейшн не сядет, потому что он изменил планы (хотя *как* он мог изменить – ведь все было решено за него *заранее!*), он наконец-то появился. Невысокий, изящный, франтоватый, такой старосветский, со смешным ярким платком вокруг шеи, с новеньким, явно недешевым, желтым кожаным *пизонским* чемоданом.

Шумно вздохнув, Нина услышала свисток кондуктора, который затем обратился ней:

– Мэм, мы сейчас отправляемся. Разрешите вам помочь?

Но еще до того, как он сумел прийти ей на помощь (у Нины имелся чемодан, *далеко не* новый и *уж точно* не такой шикарный, как у него, а купленный на распродаже за полтора доллара, по цене для второй половины сороковых годов более чем приличной), раздался вкрадчивый, тихий, низкий голос:

– Я помогу. Ведь вы не возражаете, мадемуазель?

Нина, резко обернувшись, увидела, что свою помощь ей предложил он. Наконец-то они встретились лицом к лицу! Они за прошедшие недели уже встречались, но Нина не сомневалась в том, что он не заметил ее, а если случайно и увидел, то явно не запомнил – она к каждой вылазке тщательно готовилась и разрабатывала для себя всякий раз новый имидж.

Видела она его и на скамейке в Центральном парке, где он, читая что-то высоколобо-литературное, точнее *делая вид*, исподтишка наблюдал за сновавшими там и сям школьницами.

Или, в его понимании, *нимфетками*.

Хотя, конечно, *далеко не* каждая школьница подходящего возраста была для него нимфеткой – его разглагольствования, написанные ввергавшим в экстаз русским (ну, или *английским*, в зависимости от того, какой авторский вариант романа был под рукой), Нина за прошедшее время выучила наизусть на обоих языках.

А если не в Центральном парке, то около своей холостяцкой квартирki на Манхэттене (ну да, тогда, в конце сороковых, там можно было снять холостяцкую квартирку-студию в Верхнем Истсайде за невероятные двенадцать долларов в неделю! Пусть и *тех* долларов, но расскажи сегодня кому-либо, ведь не поверят).

Впрочем, рассказывать Нина об этом никому не собиралась. Разве что *доктору Дорну*.

А если не в холостяцкой квартирке, то в бакалейной лавке напротив. Или на почте. Или в магазинчике писчебумажных принадлежностей. Или в книжном бутике в соседнем квартале.

Да, книги он любил, но помимо этого он любил еще и *нимфеток*, и Нина дала себе слово: если за то время, которое она неотступно следовала за ними по пятам, она увидит, как он попытается предпринять в отношении любой девочки какие-либо действия, пусть даже самого невинного характера, наподобие мимолетного разговорчика, мелкого презента или даже доброй улыбки, она вмешается и даст ему по его старосветскому барабану.

Нет, *не пытался*, хотя подолгу смотрел вслед тем девочкам, которые, видимо, подпадали под им же самим изобретенную категорию нимфеток.

Все это время Нина обращала внимание на то, чтобы ее слежка не бросилась ему в глаза. Чтобы случайно с ним не столкнуться. Не попасться на мелочах. Не раз и даже не два

она оказывалась в ситуациях, которых хотела бы избежать, но все прошло без проблем, и она не сомневалась, что он ее *не* заметил.

Теперь же, стоя прямо напротив него, Нина сомневалась в этом. Отчего он проявил такую галантность и решил вдруг продемонстрировать свою приторную старосветскую учтивость, при помощи которой, как она опять же прекрасно знала из английского оригинала или авторского русского перевода, он и очарует свою будущую, падкую на подобные дешевые эффекты и стосковавшуюся по твердому мужскому плечу хозяйку в доме 342 по Лоун-стрит в городке Рамзде-ле, штат Нью-Гэмпшир, куда, как Нина точно знала, и лежал его путь?

Он был привлекательнее, чем она всегда представляла его, при желании его можно было даже назвать смазливый. Однако его высокий лоб и небольшой, словно срезанный, подбородок в сочетании с легко выющимися пепельно-черными, на висках уже начинавшими седеть волосами производил демоническое впечатление.

То самое впечатление, которое позволяло этому субъекту, которого она, если использовать столь неприятный автору и выдумавшему этого типа словесный штамп, ненавидела всеми фибрами своей души, и позволило в скором будущем завоевать трепещущее сердце тридцатипятилетней вдовы, матери двенадцатилетней девочки.

Девочки, которую замерший перед ней бонвиван, лите-

ратуровед и по совместительству педофил именовал светом своей жизни, огнем своих чресел. Ну, и так далее, *по авторскому тексту*...

Девочку, которую ему предстояло растлить и продолжать это делать на протяжении многих месяцев, точнее даже года с лишком, – и, следуя опять же словам того, кто создал и его, и девочку, которой он разбил всего лишь *жизнь* (разбить *сердце* глупышке предстояло другому чудовищу, еще более опасному и мерзкому, которое стоявший перед ней субъект потом и застрелит).

Девочку по имени *Лолита*.

Все эти сумбурные мысли промелькнули в увенчанной стильной шляпкой, несколько смахивавшей на суповую тарелку, головке Нины в течение долей секунды, однако она поняла, что он ждет ответа.

Не столько кондуктор, сколько он. Франт, профессор литературы и по совместительству (хотя, вероятнее, единственно и прежде всего!) *растлитель малолетних*. Тот самый носитель угукающе-рычащего псевдонима Г.Г., через который, опять же по словам его собственного творца и создателя Лолиты, словно через маску, горели два гипнотических глаза.

А взгляд этих темных глаз, глубоко посаженных, обрамленных густыми черными нависшими бровями идеальной формы, у Г.Г. был действительно пронизывающий. И в этот момент его глаза уставились на Нину.

Понимая, что дольше медлить нельзя, потому что это только возбудит ненужные подозрения и привлечет к ней внимание, Нина, звонко расхохотавшись, заговорила по-английски с намеренно утрированным итальянским акцентом (этого языка, насколько она помнила, Г.Г. хоть и родившийся во французской части Швейцарии, не знал).

– Ах, синьор, вы очень любезны! Да, будьте так добры! Мне в Конкорд, а вам?

Она прекрасно знала, что Г.Г. намеревался сойти в Рамздэле.

Г.Г. галантно подал ей свою столь не походившую на писательскую, короткопалую, волосатую и какую-то даже обезьянью руку (в то время как кондуктор подхватил и ее собственный чемодан, и багаж Г.Г., который вручил ему еще и свой билет), на которой тускло сверкнул пижонский перстень-печатка с перевернутой восьмеркой, символом математической бесконечности, столь подходивший к пижонскому желтому туристическому рундуку, и произнес:

– Ах, я сойду раньше. Навещаю одного старого профессора в Нью-Гэмпшире.

Ну да, куда там! Врать Г. Г., как отлично знала Нина, был мастак. Ехал он, если следовать тексту автора, в сонный городок (*ильмы, белая церковь* – что за чарующий пейзаж!) в Новой Англии, на Восточном побережье США, вовсе не для того, чтобы работать над своей многотомной антологией шедевров французской литературы (которая к моменту его аре-

ста будет *почти* готова), а исключительно для того, чтобы, поселившись у доме обедневших родственников университетского коллеги по фамилии Мак-Ку, иметь возможность быть как можно ближе к двенадцатилетней дочери семейства.

Рай для педофила.

Они оказались в поезде, и Нина, продолжая разыгрывать экспрессивную итальянку (что, по собственному разумению, получалось достаточно плохо), продолжала тараторить:

– Ах, друзья! Это так важно для человека, синьор! Я к ним сейчас и еду. Потому что у нас, в Италии, друзья – это основа всего...

Г.Г. галантно распахнул стеклянную дверь купе, предлагая Нине пройти туда, но та заявила:

– Ах нет, у меня место где-то дальше!

Не хватало еще ехать бок о бок с Г.Г. и вести с ним светскую беседу, зная, что все его мысли заняты тем, как бы побыстрее оказаться в Рамздэле, в доме семейства Мак-Ку, и начать подбираться к двенадцатилетнему ребенку.

Монстр, что и говорить.

Впрочем, монстр, который и не подозревал, что за время его поездки дом Мак-Ку сгорит, девочку вместе с матерью ушлют куда-то прочь, а Г.Г. сбегает на руки подруге миссис Мак-Ку, проживающей в доме 342 по Лоун-стрит.

Матери Лолиты.

– Как жаль, мадемуазель, – произнес монстр с легкой воз-

душной улыбкой на своем вычурном, жеманном и столь же фальшивом, как он сам, английском. – Тогда желаю вам всего наилучшего. Вам и *вашим* друзьям!

В этот момент поезд, издав мощный гудок, плавно отправился в путешествие из Нью-Йорка в крупнейший город штата Нью-Гэмпшир Манчестер через столицу штата Конкорд с двухминутной остановкой в замшелом местечке Рамздэль.

Ничего подобного желать Г. Г. Нина на намеревалась, хотя вообще-то *должна* была бы. Вместо этого экспрессивно воскликнув всенепременное «чао», она стала совать кондуктору свой билет, желая у того узнать, где же ее место, хотя прекрасно знала, где оно.

Чувствуя, что ее сердце колотится как бешеное, Нина наконец отвернулась от Г. Г. Она радовалась тому, что на этом ее общение с исчадием ада наконец завершилось, причем раз и навсегда, но вдруг услышала его вкрадчивый безупречный английский, пусть и со смешным акцентом:

– Но мы ведь с вами встречались, мадемуазель, не так ли? Это был даже не вопрос, а *утверждение*.

Нина медленно, как в кино (точнее, в данном случае, конечно же, как *в книге*), разворачиваясь, воскликнула:

– Ах, синьор, если бы я столкнулась с таким привлекательным мужчиной, то непременно запомнила бы это!

Она явно нарывалась на комплимент, ведь Г.Г., следуя неписаному кодексу галантности, должен был бы заметить,

что и он сам не забыл бы такую эффектную даму. Но милая улыбка с лица Г.Г. уже исчезла, уступив место угрюмому выражению, от которого у Нины душа ушла в пятки.

А он, пронзая ее взглядом темных глаз из-под по-обезьяньи нависших бровей, заметил:

– Уверен, что мы сталкивались в Нью-Йорке. Быть может, и не раз. У меня память на лица завидная...

Вот что значит – *не заметил!* Очень даже заметил, что Нина вела за ним слежку.

Девушке сделалось страшно, хотя она знала, что Г.Г. здесь, в поезде, не посмеет ничего предпринять.

Не оставалось ничего иного, как обратить все в шутку. Пригрозив Г. Г. пальцем утянутой лайковой перчаткой руки, Нина заявила:

– Ах, синьор явно положил на меня глаз! Но я замужем и верна своему супругу. Он у меня подлинный сицилиец, очень ревнивый!

Тонкие губы Г.Г. дрогнули в сардонической усмешке, и Нина увидела крепкие желтоватые зубы совратителя Лолиты.

Настоящие волчьи клыки.

– И ваш очень ревнивый муж, мадемуазель, точнее, конечно же, *мадам*, отпустил вас одну в гости к друзьям? Вот они какие, эти сицилийцы!

Понимая, что Г.Г. ловко поймал ее на противоречиях, Нина воскликнула:

– Ах, синьор, как вы можете обо мне подобное думать! Я навещаю сестру моего мужа!

Г.Г. ухмыльнулся еще шире:

– Вы же только что сказали, что *друзей*, мадам...

Снова поймал! Ведь знала она, что Г.Г. опаснее барракуды, так нет, сама нарвалась на общение с ним.

Хотя могла бы сидеть в соседнем купе и исподтишка наблюдать за ним, не привлекая внимания.

Но дело все в том, что внимание она и так к себе уже привлекла – еще в Нью-Йорке.

Поэтому, снова пригрозив Г.Г. пальчиком, Нина заметила:

– Все дело в моем плохом английском! Да, да, синьор, вижу, вы со мной заигрываете! Но, уверяю вас, ничего не выйдет.

Г.Г., вдруг вновь превратившись в самую учтивость, заявил:

– Ваш английский бесподобен, мадам. Но прав ли я, что слышу в нем некоторые славянские нотки? Знаете, я был некоторое время женат на польке...

Ну конечно, был женат – когда жил в Париже, пялясь в саду Тюильри на тамошних нимфеток. И *не только* в Тюильри.

– От синьора ничего не ускользнуло! Да, моя мамочка – тоже полька!

Г.Г. пробормотал:

– Этим-то и объясняется, что на итальянку вы ничуть не

похожи, мадам. Я вырос в Швейцарии и в отеле моего отца повидал множество «макаронников»...

О жителях Италии Г. Г. был явно далеко не самого высокого мнения.

Тут он внезапно снова превратился в гончего пса, заявив: – И все же уверен, что мы с вами в Нью-Йорке сталкивались...

Ну да, *еще бы!* Нина давно поняла, что надо ретироваться как можно быстрее.

– Синьор, повторяю, я замужем, и эти дешевые приемы со мной не работают. Наверное, мы в самом деле сталкивались – только что, на Пенн-стейшн! Желая вам хорошо провести время в Рамздэле!

О, он проведет там незабываемое время, только совсем иначе, чем планировал сам Г.Г. – и даже его литературный создатель!

Г.Г., вздрогнув, уставился на нее:

– Мадам, я вам точно не говорил, куда еду... *Откуда* вы знаете?

Нина и сама это поняла, потому что сказанное сорвалось с языка случайно, но она легко выкрутилась: вырвала у проводника из руки билет, который ему до этого вручил Г.Г., и, отдавая его владельцу, чинно произнесла:

– Вот *здесь* написано, синьор! Всего вам наилучшего!

Оказавшись в своем купе, Нина в изнеможении плюхнулась на место у окна и, радуясь тому, что никого, кроме нее,

в купе нет, положила ноги на соседнее сиденье.

Барышни конца сороковых так наверняка не делали, но она ведь и *не была* барышней из конца сороковых, а просто пробралась сюда, чтобы...

Чтобы помешать Г.Г. встретиться с дочерью вдовы с Лун-стрит. С девочкой по имени Лолита.

Г.Г, этому мерзавцу, проходимцу и растлителю нимфеток.

Гумберту Гумберту, злому гению романа Владимира Владимировича Набокова «Лолита».

О путешествиях из нашего мира в другие, *не менее* реальные, в основе которых лежали литературные произведения, Нина узнала несколько лет назад совершенно случайно. Началось все в книжном магазинчике провинциального российского центра, где она училась в аспирантуре (которую, несмотря на все пертурбации, все же окончила, защитив степень). Магазинчик под названием «Книжный ковчег» в ходе разнообразных приключений перешел от своего прежнего владельца к Нине.

Причем магазинчик этот, как она узнала, был не просто вместительным рядом занимательных, старинных и даже раритетных книг, а представлял собой своего рода *портал*. Отчасти временной, но в первую очередь между мирами: тем, который был *ее* родным, и иными реальностями. Параллельными вселенными, населенными *не* зелеными человечками,

не кровожадными «чужими» и не ангелоподобными существами, не ведающими смерти и горя, а *литературными героями*.

Каждый из миров, куда она получила доступ, был в определенной мере слепком того или иного литературного произведения. Однако течение событий в этом литературном мире, *абсолютно* реальном и *ничуть не* настоящем, хоть и вписывалось в общих чертах в канву того или иного романа, рассказа или даже поэмы, но не следовало ей слепо, а часто во многом отличалось от того, что Нина читала на страницах того или иного произведения.

Литературная вселенная жила по своим собственным внутренним законам, и часто события в ней принимали совсем иной поворот, чем тот, который был знаком ей если не со школьной скамьи, то с университетской.

Ну, или из опубликованного в интернете текста.

Именно поэтому ей и удалось в свое время, оказавшись в «Братьях Карамазовых» Достоевского, пусть и не помешать убийству злобного похотливого старика Федора Павловича, но спасти его старшего сына Дмитрия от каторги и доказать, что убийцей сладострастного старче не являлись ни братья Карамазовы, ни приبلудный лакей Смердяков. Нина вывела подлинного душегубца на чистую воду и передала его в руки правосудия. Правда, при этом сама на время превратилась в подозреваемую в убийстве погрязшего в плотском грехе старшего Карамазова, пытавшего склонить ее ... *з.м...* к дей-

ствиям явно не самого невинного характера.

А потом, очутившись в «Анне Карениной» Льва Толстого, она спасла главную героиню *не только* от смерти под колесами поезда, *но и* от участи стать жертвой изощренного убийства. А заодно разоблачила банду великосветских отравителей¹.

С этого все и началось. Потом последовали и иные приключения, не менее головокружительные и занимательные, – и там же, во время этих вояжей в параллельные литературные вселенные, Нина и познакомилась со своим (пока еще) пусть и не мужем, но, во всяком случае, с человеком, которого она любила и который любил ее.

Он упорно называл себя доктором Дорном, Евгением Сергеевичем, в честь одноименного персонажа чеховской «Чайки», хотя таковым и *не* являлся. Но был при этом героем иного произведения, причем персонажем из плоти и крови, получившим возможность перемещаться из литературного мира в наш точно так же, как Нина могла перемещаться из нашего в литературный. Персонажем какого именно произведения он был, доктор Дорн, несмотря на их близкие взаимоотношения, Нине так и не раскрыл, и это ее угнетало больше всего.

Что Женя скрывал?

¹ О предыдущих приключениях Нины Арбениной в литературных мирах читайте в романе Антона Леонтьева «Пепел книжных страниц», издательство «Эксмо».

Если, конечно, он вообще был Женей... А ведь, вероятно, нет, *не был*.

Впрочем, в последнее время она все реже могла перемещаться по литературным мирам. Хотя ее способности с каждым разом все совершенствовались.

В самом начале она могла отправляться только в тот мир, который сам выбирал ее, открывая туда дверь – деревянную, темно-синюю, с ручкой в виде разинутой львиной пасти. Эта дверь вела в те миры, которые ее выбирали. Выбирали, чтобы она что-то в них изменила и докопалась до истины, которая, как ни парадоксально это звучит, ускользнула от внимания автора данного литературного произведения. Потому что он создавал *свой* роман, а то место, куда попадала Нина, было все же не романом, а *реальностью*, живущей и развивающейся по *своим* собственным законам.

И мир хотел равновесия, а для этого требовалось найти истинного убийцу, разгадать тайну, спасти невиновного – а зачастую *и* то, *и* другое, *и* третье. Ну, или в *иных* комбинациях.

Нина с большим удовольствием делала это – как, например, тогда, когда в «Ревизоре» вычислила, кто после легендарной финальной сцены уколошил ножом в спину прибывшего в губернский город N настоящего чиновника по особым поручениям.

Со временем Нина перешла на новый уровень и смогла не только проникать в те произведения, которые были интерес-

ны ей, но и открывать дверь обратно, в свой мир, в любой момент, а не тогда, когда тайная миссия в литературной вселенной, ей изначально неясная, была наконец выполнена.

Это, как поведал ей *Женя*, то есть доктор Дорн, который не был таковым и упорно скрывал от Нины, несмотря на их отношения, из какого произведения пришел в *наш* мир, и был признак высшего *литературного* пилотажа.

Они путешествовали вдвоем, но всего пару раз, и Нина быстро сделала вывод, что тандем-вояжи в знаменитые (ну, или *не очень*) произведения – не слишком полезны для их *и без того* непростых отношений.

Тем более что у каждого из них были свои литературные предпочтения.

И лишь сравнительно недавно Нина перешла на самый высокий уровень, подвластный только единицам из посвященных в тайну «Книжных ковчегов», кои, замаскированные под букинистические магазинчики, были разбросаны по всему миру.

Она проникала в произведение, которое выбрала *сама*, зная, что в любой опасный момент (потому что, если покалечишься или умрешь в литературном мире – это будет *по-настоящему*: уже никогда и нигде не воскреснешь) сможет материализовать дверь, через которую уйдет обратно в *свой* мир. Причем выполняла она при этом не то неясное ей задание, которое было важно для этой самой отдельно взятой литературной вселенной, а то, которое выбрала *для себя сама*.

Как и в этот раз – ведь в «Лолиту» Владимира Набокова, одно из своих любимых произведений, не исключено что *само* любимое, она пришла для того, чтобы помешать встрече утонченного, но от этого не менее мерзостного педофила Гумберта Гумберта с Лолитой.

И, уничтожив тем самым весь сюжет романа, спасти в *реальном*, пусть и параллельном, мире от кошмарной судьбы бедную девочку, которой предстояло в возрасте неполных восемнадцати лет (наверняка с кошмарными психическими травмами!) выбраться из замкнутого круга многолетнего сексуального рабства, выйти замуж за добродушного увальня, ветерана Корейской войны, и умереть в канун Рождества при своих первых родах.

...Сбросив с ног лакированные туфли, Нина закрыла глаза и задумалась. Дверь дернулась, и Нина, испуганно вздрогнув, решила, что вездесущий Г.Г. сподобился нанести ей визит вежливости из соседнего купе, дабы продолжить допрос, но вместо этого узрела уже знакомого ей контролера.

Обменявшись с ним любезностями и продемонстрировав свой билет, Нина снова осталась одна. Может, она слишком много на себя взяла, заявившись с *собственной* миссией в «Лолиту»?

Ведь здешняя литературная вселенная не призвала ее, и выходило, что никакого дисбаланса в том, что сделал мерзвец Гумберт Гумберт (Г.Г.!), а после него еще больший мер-

завец Клэр Куилти (К.К.!), которого убил крайне ревнивый (прямо как ее выдуманный сицилийский супруг) этот самый Г.Г., и не было.

Но этот дисбаланс все же был – потому что события в данной литературной вселенной, развиваясь так, как придумал это автор, разрушили жизнь дурочки Лолиты, а помимо нее и прочих детей, которых растлевали Г.Г. и его антипод и, вероятно, зеркальный двойник К.К.

Да, дисбаланс, вне всякого сомнения, был, и с самого первого прочтения «Лолиты» он заставлял Нину думать над тем, *как бы* сложилась судьба Лолиты, девочки пусть и не ангельского характера, но вполне обыкновенной и уж точно ничуть не распутной, как все время пытался внушать читателю Г.Г., если бы она *не встретилась* с Гумбертом – а вернее, конечно, *он с ней*.

Сокровенное желание устранить этот дисбаланс, пусть и путем уничтожения ткани романа, в итоге и привело Нину в этот мир.

В мир «Лолиты» – и мир Гумберта Гумберта, который ехал в заштатный городишко Рамздэль в соседнем с ней купе, чтобы после своего прибытия, уверенный, что делать ему там нечего (дом-то родителей его потенциальной жертвы сгорел дотла, видимо, как писал он, а точнее, *автор Набоков*, от демонического пожара, бушевавшего всю последнюю ночь в жилах Г.Г.), весьма нехотя посетить мать Лолиты, сдававшую комнату, и, уже собираясь возвращаться в

Нью-Йорк, узреть в саду Лолиту – и остаться там.

Испоганив тем самым жизнь и самой Лолите, и ее безмозглой матери Шарлотте, погибшей позднее под колесами автомобиля хоть и не напрямую от руки Г.Г., но по причине его преступных действий, да и еще много кому.

Ну нет, раз уж она тут оказалась, то обратно не вернется. Хотя могла бы – потому что при ее повторном проникновении в один и тот же роман все предыдущие изменения в литературной вселенной исчезли бы, и все вернулось на круги своя. По этой причине, исправив течение того или иного романа, точнее не романа, а событий в возникшей из его текстуры параллельной вселенной, Нина никогда более не навещала туда *ни при каких* обстоятельствах.

Иначе пришлось бы все начать заново.

Она провела в «Лолите» уже почти два месяца (хотя, вернувшись, как водится, узнает, что миновало всего семь минут), и это были два месяца ее жизни – пусть и в параллельной вселенной!

Решить, как она остановит Г.Г., было *самым простым* – и в то же время *самым сложным*. Проще всего, и в этом Нина не сомневалась, было бы его элементарно *ликвидировать*. Ведь она, пользуясь сведениями, разбросанными по роману Набоковым, сумела разыскать на Восточном побережье США и университет, в котором Гумберт Гумберт преподавал европейскую литературу, и узнала, что у Г.Г. «срыв» и он «приходит в себя», а потом вышла на психиатрическую кли-

нику, где тот подлечивал свои порядком потрепанные старосветские нервы (жаль, что не преступную душу!), и, наконец, застучала героя на холостяцкой квартире в Нью-Йорке, где тот явно размышлял, что же ему теперь предпринять.

И как реализовать свою преступную страсть к нимфеткам.

К вояжу в «Лолиту» Нина готовилась давно, практически все время с тех пор, как стала одной из посвященных в тайну «Книжного ковчега», понимая, что для путешествия в 1947 год в США надо будет подтянуть *не только* свой весьма позорный английский.

Ведь о каком невысказанном количестве логистических мелочей ей пришлось думать! О подлинных долларах той эпохи, о поддельных, но выглядящих как настоящие водительских права штата Нью-Йорк, выданных на имя Нины Дорн (пусть она все еще Арбенина – но *ее* доктор уже сделал ей предложение руки и сердца, причем три раза... и трижды она отвергала его, так как он упорно отказывался говорить, из какого произведения он родом), об одежде, о тонкостях съема квартиры, о поездке на железной дороге, о содержимом дамской сумочки, о темах для светской беседы на политические и отвлеченные темы, о...

Да просто *обо всем!*

Немудрено, что понадобилось столько времени, прежде чем Нина решилась.

Решилась остановить Г.Г.

Только вот как? *Убить его?* Ну да, это не так уж сложно – купить в лавке револьвер, застрелить Гумберта Гумберта в его холостяцкой квартирке-студии (той самой, в Верхнем Истсайте, за *двенадцать долларов в неделю* – по ценам 1947 года) – и, будучи уверенной, что этот мерзкий педофил никогда больше не доедет до Рамздэля, уйти через свою дверь в свой мир.

Но, как ни крути, она станет *убийцей*, пусть даже убийцей отвратительного типа из литературной вселенной. Стрелять-то придется *по-настоящему* и из *подлинного* револьвера! И в живого, пусть и крайне гадкого, человека.

Ну, можно ему подсыпать яд. Заразить коронавирусом. Ударить дубиной из-за угла. Столкнуть на рельсы нью-йоркского сабвея. Или даже нанять гангстера, чтобы тот пырнул Г.Г. ножом в проулке.

В любом случае на ней будет кровь этого монстра, с чем Нине придется жить. А жить с кровью Г.Г. на руках она *уж точно* не хотела.

Поэтому пришлось разрабатывать иные, *бескровные*, варианты.

На самом дне чемодана Нины лежала компактно упакованная солидная порция кокаина, купленная ею в литературном Нью-Йорке за реальные деньги – ее-то она и намеревалась подсунуть Г.Г., а потом стукнуть в полицию, чтобы он загремел на солидный срок в тюрьму.

Потому что, когда он оттуда выйдет (если этому мерзкому

растлителью детей *вообще* суждено будет выйти из тюрьмы), Лолита уже превратится в молодую женщину и не будет вызывать у него интереса.

Конечно, он тогда обратит свое внимание на иных нимфеток, но *по крайней мере* Лолита будет спасена.

...Осторожно выйдя из своего купе, девушка прошлась по коридору мерно покачивающегося поезда и словно невзначай заглянула в соседнее.

Г.Г., деливший купе с пожилой, спящей у окна дамой, за благополучие которой, по причине ее дряхлого возраста, Нина могла не беспокоиться, строчил что-то в записную книжечку в переплете из черной искусственной кожи, с тисненным золотом годом (1947) и лесенкой в верхнем правом углу – причем делал это наверняка, как писал автор, *самым бесовским из своих почерков*.

Нина-то знала, что этому криминальному дневнику Г.Г. доверял свои самые сокровенные и наиболее похотливые мысли и что мать Лолиты, обнаружив эти записи и прочитав их, напишет письмо, выбежит в слезах на улицу, чтобы бросить его в почтовый ящик на дороге, – и попадет под колеса автомобиля.

А Лолита, сделавшись сиротой, попадет в лапы Гумберта, уже считавшего, что он попался и ничего хорошего ему не светит.

Г.Г. был так увлечен своими наверняка премерзкими и,

вне всяких сомнений, порнографическими мыслями, что Нина, чувствуя, что в ней все закипает, могла несколько мгновений наблюдать за тем, как он строчит карандашиком, высунув от усердия язык.

Тут Гумберт вдруг поднял взгляд – и подозрительно уставился на Нину. Та же, чувствуя, как кровь прилила к лицу, приветливо помахала ему и быстро вернулась к себе.

Вечерело. Взглянув на изящные наручные часики (купленные, как и все на ней, за исключением нижнего белья, в 1947 году, – от тогдашних дамских рейтуз Нина все же решила отказаться), девушка поняла, что пора действовать.

То, что Г.Г. запомнил ее, было, конечно, весьма плохо, но поправимо. Она ведь намеревалась, *как и он сам*, сойти в Рамздэле... вот только после их обмена любезностями в поезде он тотчас кинется к ней выяснять, что же она тут делает, если уверяла, что едет в столицу штата город Конкорд.

Но Нина в любом случае, даже если бы они не завели друг с другом беседу, переделась бы и покинула поезд в новом обличье, чтобы не привлекать внимания Г.Г.

А так как она это внимание уже привлекла, требовалось *усилить* маскировку.

Вынув из чемодан сверток, Нина отправилась в туалет. Причем в *мужской*.

Она уже опробовала это одеяние несколько раз, поэтому ей понадобилось всего несколько минут, чтобы избавиться

от своего яркого экстравагантного дамского наряда, нарочно выбранного для того, чтобы привлечь внимание к одежде, а не к лицу, и перевоплотиться в невысокого, облаченного в широкий пиджак с накладными плечами мужчину с щеточкой усов (накладных!) и в низко надвинутой на глаза коричневой фетровой шляпе.

Шагнув обратно в тамбур, Нина онемела, заметив около двери Г. Г. Девушка чуть было не попятилась обратно, желая запереться в кабинке, но заметила, каким равнодушным взглядом скользнул по ней растлитель Лолиты.

Маскировка удалась!

Нина заспешила в свое купе, но тут раздался знакомый ей низкий голос с чарующим акцентом, круживший голову дамам (и, что ужаснее всего, наивным *девочкам!*):

– Сэр, вы потеряли!

Нина обернулась и увидела, что Г.Г. держит в руках розовую ленточку – аксессуар из дамского наряда, который, свернутый и затянутый, находился в бумажном пакете в руках Нины.

– Спятели, что ли? Не мое! – буркнула Нина, прикладывая все усилия, чтобы сымитировать бруклинский акцент. И, не вступая с Гумбертом в опасные дискуссии, быстро ушла прочь.

Не желая, чтобы он приперся к ней в купе (и, что хуже всего, осведомился, куда делась попутчица *сэра*, эффектная итальянско-польская дама), Нина, воспользовавшись тем,

что Г.Г. по *зову природы* (или по требованию гадких сексуальных вожделений, что было более вероятно с учетом его недавних дневниковых записей) заперся в туалете, быстро схватила свой чемодан и перешла в соседний вагон.

Поезд прибыл в Рамздэль без опоздания. Нина, качнув головой, отвергла попытки проводника вагона, где она пряталась, помочь *сэру* с багажом и лихо выпрыгнула на платформу, в то время как знакомый ей проводник подавал Гумберту его пижонский желтый чемодан.

Поезд, запыхтев, вновь пришел в движение, а Г.Г. завертел головой – явно ожидал, что его будет встречать мистер Мак-Ку, у которого он намеревался снять комнату.

А заодно растлить, *если подфартит*, его двенадцатилетнюю дочку.

Нина быстро направилась к приземистому деревянному зданию вокзала (в Рамздэле она за эти два месяца была целых три раза и неплохо ориентировалась в городке, столь точно описанном Набоковым: *ильмы, белая церковь*), зашла за угол и принялась наблюдать за Г.Г.

Тот, оставшись на перроне в гордом одиночестве (в Рамздэле вместе с ними вышли еще три человека), беспокойно ходил туда-сюда, явно ожидая, что мистер Мак-Ку вот-вот подъедет и отвезет его к себе в дом.

Который сгорел прошлой ночью.

Нина когда-то думала, что имеет смысл предотвратить по-

жар в доме Мак-Ку и тем самым помешать воцарению Гумберта в доме матери Лолиты, но тогда велика была вероятность того, что ошалевший от присутствия в доме *другой* девочки Г.Г. начнет домогаться уже ее.

И Нина спасет Лолиту, но поднесет Г.Г. на блюдечке с голубой каемочкой *иную* безвинную жертву. А жертв больше быть не должно – Нина это твердо решила.

За исключением, конечно же, *наркодилера* Г.Г.

Г.Г. ждал около получаса, а когда уже окончательно стемнело, поплелся к зданию вокзала, чтобы попытаться дозвониться из будки в тот дом, которого больше не существовало.

Потерпев, как и следовало ожидать, полное фиаско, явно озлобленный, Гумберт со своим пижонским чемоданом отправился в расположенный неподалеку мотель. Нина, зная, как будут развиваться события, *по крайней мере* в романе Набокова, не спускала с Г.Г. глаз. Потому что события в романе – это одно, а происходящее в литературной вселенной того же произведения – совсем другое. И всегда возможны *неожиданности*.

Таковых, к счастью, в тот майский вечер не произошло. Нина, дождавшись, пока Г.Г. запрется в своем бунгало, поселилась рядом. В регистрационную книгу она записалась как Юджин Дорн – поверх выполненной изящной чернильной вязью строчки: «*Профессор Г. фон Гумбертсон, Колумбийский университет, Нью-Йорк*».

Точно: *пижон и задавака!*

В ту майскую ночь, душную и беспокойную, Нина плохо спала – то и дело просыпалась, уверенная, что у ее кровати стоит Гумберт Гумберт с топором в косматых обезьяньих лапах, на одной из которых поблескивает пижонский перстень со знаком математической бесконечности.

Утро – прямо как в сказке – было вечера мудренее, и, прильнув к пыльной, давно не стиранной занавеске, Нина стала свидетельницей того, как прикативший на громыхающем автомобильчике с откидным верхом всклокоченный мистер Мак-Ку, дико извиняясь, ввел весьма разочарованного Г.Г. в курс дела, поведав о пожаре и о том, что его дочь с матерью и младшей сестренкой отправились восвояси. И предложил Гумберту завезти того к миссис Гейз, готовой сдать порядочному тихому жильцу комнатку в своем доме на Лоун-стрит.

О, если бы он знал, что Г.Г., может, и тихий, но *крайне непорядочный!* Но ведь *не* знал...

Однако занимали Нину вовсе не тайные страсти Гумберта, изменить которые не мог никто, даже врачи из ее родного двадцать первого века. Нину интересовал его пижонский новенький желтый чемодан, сиротливо стоявший на веранде, – мистер Мак-Ку и Г.Г. отправились в здание мотеля, где наличествовал кофейный автомат.

Проследив за тем, как они удаляются, Нина быстро вынула из своего чемодана тяжелый пакет с кокаином (интерес-

но, что тоже с клеймом, своего рода криминальной товарной маркой в виде знака математической бесконечности – прямо как на перстне Г.Г.: *случайность?*) и вышла из номера.

Сейчас или никогда!

Но тут-то и проявилась та самая неожиданность, к которой она не была готова и о которой в романе Набокова не было ни слова: чемодан Гумберта был заперт на *кодовый* замок.

Напрасно Нина старалась открыть его – ничего не выходило. *Не ломать же!* А ведь так легко было бы сунуть в чемодан пакет с кокаином, позволить мистеру Мак-Ку подвезти Г.Г. к дому Шарлотты Гейз и из телефона-автомата на вокзале позвонить шерифу с сообщением, что новый жилец по Лоун-стрит, 342, – прибывший из Нью-Йорка аферист, выдающий себя за профессора, и явно заморский гангстер, хранит в своем чемодане большую партию наркотиков.

И все, Г.Г. отправляется на *долгие-долгие* годы за решетку!

Пришлось отступить, и Нина, еще недавно уверенная, что уже через час окажется снова дома, причем *у себя* дома, поняла, что в идилическом Рамздэле ей придется подзадержаться.

В ее пользу говорило то, что она знала, *куда* отправится мистер Г.Г., приняв извинения мистера Мак-Ку и выпив с ним кофе, – и *где* ей следовало его поджидать.

Прихватив с собой небольшую, также купленную на рас-

продаже сумку, в которой покоился пакет с кокаином, Нина быстрым шагом направилась на Лоун-стрит: благо, городок был крошечный. Вот и он – дом Шарлотты и Лолиты Гейз, совершенно такой, как описал его автор: дощатый, беленый, потускневший от старости, скорее серый, чем белый, выглядящий далеко не самым презентабельным образом.

Сбоку виднелся заброшенный, заросший, зачарованный сад – тот самый, Эдемский, в котором сейчас возлежала Лолита.

Вообще-то, опять же по роману, фамилия Шарлотты и соответственно Лолиты была вовсе не Гейз, а всего лишь созвучная ей: Гейз была выбрана душеприказчиком Г.Г., занимавшимся опубликованием записок педофила после его кончины от закупорки сердечной аорты в тюрьме накануне открытия процесса – и после смерти *самой* Лолиты.

Хотя, естественно, и записки педофила Г.Г., и предисловие душеприказчика, *как и сам роман целиком*, написал Владимир Набоков. Но это в *ее* мире.

А в *этом*, где царили *свои* правила и ни о каком русско-американском писателе Набокове никто не знал, потому что здесь его элементарно не существовало, фамилия матери и дочери была *именно что Гейз*.

Нина отошла на приличное расстояние, так как не желала привлекать внимание соседей. Наконец она увидела, как к дому семейства Гейз подкатила развалюха мистера Мак-Ку, из которой выбрался все еще смущенный водитель. На ма-

нер лакеев первоклассных отелей он потащил за *профессором фон Гумбертом*, явно пребывавшим не в самом радужном расположении духа, его новенький пижонский желтый чемодан.

Новенький пижонский желтый чемодан *с кодовым замком*.

Нина знала, что на данном этапе вмешиваться опасно и глупо. Встрече Г. Г. и Лолиты уже не воспрепятствовать. Если бы Нина не пребывала еще в образе мужчины, она могла бы притвориться, скажем, учительницей Лолиты и еще до прибытия Гумберта попросить ее мамашу вызвать девочку из сада и...

И что? Увести своенравную девочку невесть куда, главное, *подальше* от катившего в автомобильчике мистера МакКу к ним на Лоун-стрит Г.Г.?

Вряд ли Лолита стала бы ее слушать.

Не поджигать же дом Шарлотты! Хотя почему нет, это ведь мысль... Пусть лучше Шарлотта и ее дочка останутся без крова над головой, чем в их дом въедет этот жилец.

Педофил Гумберт Гумберт.

Ну нет, поджигать дом – это тоже далеко не самый невинный поступок. Кто может гарантировать, что во время учиненного ею пожара никто не пострадает и, более того, не погибнет? И что пожар не перекинется на соседские постройки? Да и как быстро поджечь дом, пусть и деревянный: под рукой у нее нет ни канистры с бензином, ни даже спичек.

Кроме того, Г.Г. уже зашел в дом, и его randevу с Лолитой неизбежно.

Нине не оставалось ничего иного, как, изображая праздно шатающегося прохожего (и чувствуя на себе подозрительный взгляд дряхлой соседки из дома напротив, старушки Визави, которая внимательно наблюдала за ней сквозь отодвинутую портьеру, но тотчас исчезла, едва Нина посмотрела в ее сторону), остановиться у невысокого забора со стороны сада и прислушаться к тому, что там происходило. Она ничего не видела, но зато отлично слышала громкие голоса.

Женский, хриплый, прокуренный – восторженный (мать Лолиты):

– Вот и мой сад, который вы наверняка хотите увидеть!

Ну да, в книге Г.Г. в данный момент искал предлог, чтобы смыться из этого пресного городка навсегда и избавиться от явно уже положившей на него взгляд хваткой вдовушки.

Мычание – мужское, недовольное (реакция Гумберта).

А потом долгая пауза. Нина закрыла глаза: она знала, что произошло в этот момент, в эти самые секунды.

Гумберт Гумберт, словно пораженный солнечным ударом, увидел Лолиту и понял, что останется в этом страшноватом доме навсегда – и рано или поздно овладеет этой несчастной девочкой.

И снова голос Шарлотты:

– Это была моя Ло. А вот здесь, месье, мои лилии!

И снова голос Гумберта, на этот раз восторженный, дрожащий и какой-то хрустальный:

– О да! Они чудные, чудные, *чудные!*

Все пока что как в романе В. В. Набокова.

Дальше пошел разговор про плату в неделю и режим питания семейства Гейз, чего в романе Набокова, конечно, не было. Г.Г. соглашался буквально на все.

Еще бы – он ведь был в подлинном экстазе, уже пускал слюни. И причиной того были вовсе не чудные, чудные, *чудные* лилии в саду Шарлотты Гейз.

Причиной была двенадцатилетняя Лолита.

Нина быстро осмотрелась и, прижав к себе сумку, в которой находился пакет с кокаином, быстрым шагом направилась к крыльцу дома Шарлотты Гейз. В данный момент – это ей было известно из романа – в доме находились сама веселая вдова, ее дочка, экономка Луиза. Ну, и теперь еще новый жилец, месье профессор Гумберт из Европы.

Дверь дома Гейзов была приоткрыта. Наверняка в сонном Рамздэле запирать двери в 1947 году считалось дурным тоном.

Что было ей только на руку.

Девушка осторожно толкнула дверь, которая распахнулась с противным и, что ужаснее всего, громким скрипом. Прихожую, в полном соответствии с романом Набокова, украшали гроздь дверных колокольчиков, белоглазое дере-

вянное чудище мексиканского производства и...

Вообще-то Нина ожидала увидеть репродукцию «Арлезианки» Ван Гога, но она висела в прихожей гейзовского дома в романе, а в реальной жизни – в параллельной литературной вселенной – там можно было увидеть другое произведение Ван Гога – знаменитую «Звездную ночь».

Вот чем действительность отличалась от выдумки гениального автора.

Однако подобные, пусть и забавные, мелочи занимали Нину в данный момент мало, потому что ее взгляд приковала к себе вовсе не репродукция шедевра Ван Гога.

Она смотрела на пижонский желтый чемодан Г.Г., стоящий прямо под «Звездной ночью».

Нина осторожно осмотрелась по сторонам – в крошечной прихожей никого не было. Пронзительный голос хозяйки, сопровождаемый восторженным гудением Гумберта Гумберта, слышался из сада, а на кухне, сопя, возилась экономка, которая, однако, оттуда никак не могла видеть того, что происходило в прихожей.

Чемодан, естественно, был все еще заперт. Нина склонилась над ним, размышляя, как же его вскрыть. Или положить пакет с кокаином *около* чемодана? Ну нет, так еще решат, что им приторговывает предприимчивая и вечно нуждающаяся вдовица Шарлотта.

На изящном резном комодике сбоку Нина заметила массу всяких безделушек и в том числе большие острые ракушки.

А что, если попробовать одной из них вскрыть чемодан?

Она уже протянула руку, чтобы взять ракушку, когда раздался топот и со стороны сада, вверх по лестнице, солнечным вихрем пронеслась девочка.

Лолита.

Та самая нимфетка, по которой уже начал сходить с ума Гумберт Гумберт.

Так как лестница располагалась в другой части коридора, а Лолита, только что получившая нагоняй от матери, даже не смотрела в сторону прихожей, Нину девочка не заметила. Однако девушка, быстро отдернув руку от комодика, поняла, что момент сейчас тоже неподходящий, придется ждать другого.

Голос Шарлотты раздался где-то под боком. Хозяйка, продолжая расхваливать свой далеко не самый комфортабельный дом, звала «дорогого месье профессора Гумберта» пройти в ее гостиную и «отпить чашечку настоящего английского чаю».

Вот уж с кем Нина встречаться никак не желала, так это с Шарлоттой и Г.Г.

Поэтому она столь же быстро, как и проникла в дом 342 по Лоун-стрит через открытую дверь, ретировалась обратно. Сбежала по ступенькам и зашагала прочь.

И только в этот момент заметила, что неподалеку припаркован известный ей по старым фильмам длинный автомобиль с мигалкой и надписью Sheriff. А тот, кому принадле-

жало это внушающее трепет авто, угрожающе возвышается у капота – засунув руки за пояс с солидных размеров кобурой, расставив ноги в зеркально блестящих кожаных сапогах, медленно перемалывая массивной челюстью жвачку. Несмотря на то что день был хоть и жаркий, но не солнечный, он был в темных очках. И явно поджидал ее.

Местный шериф.

Или все же *не ее*? Нина, чувствуя, что ее начинает колотить, постаралась взять себя в руки. В любой момент она может вызвать дверь, свою дверь, деревянную, лакированную, темно-синюю, с ручкой в виде разинутой пасти льва, и бежать из мира «Лолиты» в *свой собственный*.

Бросив, однако, при этом несчастную девочку на растерзание мерзавцу Г.Г.

Поэтому она сделала вид, будто неожиданное появление шерифа ее никак не касается, и, покинув территорию участка семейства Гейз, едва ли не бегом направилась в *противоположную* сторону.

И как он тут только оказался? Ни о каком шерифе в романе Набокова слова не было – но это ведь роман, а тут реальная жизнь конкретного городка, где, вне всяких сомнений, имелся свой шериф.

Нина заметила легкое колыхание занавески в доме напротив. Ну да, конечно же, соседка, старушка Визави, как титуловал ее Г.Г., бдительная особа, которая, торча все время у окна, наблюдала за происходящим, заметила подозрительно-

го чужака, который к тому же проник в дом Шарлотты Гейз, и тотчас позвонила шерифу.

И отчего в 1947 году у всех жителей затрапезного Рамздэля *уже* имелись телефоны?

Чувствуя, что она начинает успокаиваться, и сбавляя шаг, Нина поняла, что шериф прибыл не по ее душу, – и в этот момент до нее донесся грозный мужской голос:

– Сэр! Прошу вас задержаться!

Понимая, что уйти от бдительного стража порядка не получилось, Нина остановилась: эти сакраментальные слова могли быть обращены только к ней, потому что Лоун-стрит была абсолютно пустынно.

И никакого другого прохожего, которому шериф мог адресовать обращение «сэр», в поле зрения попросту не было.

А пытаться скрыться от вооруженного и наверняка умеющего отлично управляться с огнестрельным оружием шерифа было бы неразумно.

Быть подстреленной или, еще того хуже, застреленной местным шерифом Нине не хотелось.

Поэтому, развернувшись, Нина следила за тем, как шериф неторопливо, явно демонстрируя свою власть и превосходство, приблизился к ней, цокая коваными подошвами своих сияющих сапог.

– Доброе утро, сэр! – произнес он весьма дружелюбно, что, однако, в сочетании с его каменным, не выражавшим ни

единой эмоции лицом производило угнетающий эффект.

Нина сдержанно кивнула и ответила:

– Доброе, шериф. Могу ли я знать...

И поняла, что говорит как женщина, а ведь она играла роль мужчины! Поэтому, закашлявшись, произнесла на две октавы ниже:

– Извините, у меня простуда. Так чем я могу вам помочь?

На будто высеченной из гранита физиономии блюстителя американского порядка появилась легкая улыбка, впрочем, моментально исчезнувшая.

– Сэр, думаю, что не *вы* можете мне помочь, а я *вам*. Вы ведь кого-то разыскиваете?

Нина лихорадочно размышляла, что же ей делать. Ну да, уйти обратно она могла в любой момент, и это успокаивало.

Даже *из тюремной камеры в участке шерифа*.

– Можно и так сказать, шериф.

Нина решила, что не будет ни оправдываться, ни выдавать больше информации, чем следовало.

И выказывать свое волнение тоже не будет.

Вот только попробуй тут *не выдай волнения*, когда над тобой навис этот словно сошедший со страниц романа провинциальный американский шериф.

Ведь и в самом деле – *сошедший!*

Шериф замялся, потому что тот, кого он именовал *сэром*, вел себя явно не так, как воришка или бандит.

– Так могу я чем-то помочь вам, сэр? Например, отвезти

вас к дому, который вы, судя по всему, ищете...

Нина усмехнулась и ответила низким тоном:

– Сегодня такой чудный день, хотя и не солнечно, но уже тепло. Так что я лучше прогуляюсь.

И уставилась прямо в зеркальные стекла очков шерифа.

Тот, переминаясь с ноги на ногу, произнес:

– Вы знакомы с миссис Гейз?

– С чего вы взяли, шериф?

Тот ответил:

– Вы только что вышли из ее дома, сэр. Я видел это собственными глазами.

В его голосе прорезались стальные нотки.

– А разве я пытаюсь это отрицать, шериф? Я просто хотел донести до вас мысль о том, что для того, чтобы побывать в доме миссис Шарлотты Гейз, вовсе не обязательно быть с ней знакомым, *не так ли?*

Назвав мамашу Лолиты по имени, Нина подчеркнула, что да, с той знакома.

Шериф, молча уставившись на Нину, спросил:

– Сэр, могу ли я поинтересоваться, когда вы прибыли в Рамздэль?

– Конечно, шериф. Вчера вечером, скорым из Нью-Йорка. Вот, кстати, и мой билет!

Нина вытащила из кармана пиджака билет, по счастью все еще лежавший там.

Шериф, однако, продолжил, не уделяя билету ни малей-

шего внимания:

– А можете ли вы также сообщить, сэр, *к кому* вы пожаловали в Рамздэль?

Нина, усмехнувшись, ответила:

– Могу, но не вижу к тому ни малейшей причины, шериф. В конце концов, я ведь могу просто приехать в ваш милый городок, чтобы прогуляться по вашей прелестной Лун-стрит и отбыть обратно в Нью-Йорк. Пусть это странно, но законом не возбраняется. И вы, как представитель закона, не можете не знать этого. Мы ведь живем в свободной стране, а не в каком-нибудь Советском Союзе, которым правят сумасшедшие коммунисты!

Шериф все еще молчал, и Нина видела, как у него заходили желваки – ответы *сэра* его явно не удовлетворяли, но он не знал, как поступить.

Главное – не терять головы *в критических ситуациях!* А таковых во время путешествий в литературные вселенные у Нины было множество.

Не эта *первая*, не эта *последняя*.

Наконец, шериф, приблизившись к Нине, явно принял решение и спросил:

– Сэр, могу ли я спросить, что у вас в сумке?

Нина инстинктивно отступила и сразу же осознала, что делать ей этого явно *не следовало*, потому что это только подтвердило предположения шерифа: чужак, побывав в доме миссис Гейз, что-то там *стащил!*

Ведь предположить, что Нина наведалась в дом Гейзики (как в своем дневнике фамильярно титуловал мамашу Лолиты бесстыжий Г.Г.) вовсе не для того, чтобы что-то стащить, а, наоборот, чтобы что-то *подложить*, он элементарно не мог.

– Мои вещи, шериф.

Секунда молчания, и тихий, но более чем грозный голос шерифа:

– Могу ли я посмотреть, что это за вещи, сэр?

Ну да, шериф не сомневается, что этот прибывший из Нью-Йорка чужак (вор-гастролер?) обокрал мамашу Лолиты.

Только что красть у веселой, хронически нуждающейся в деньгах вдовицы – *репродукцию «Звездного неба» Ван Гога*, что ли?

– Нет, не можете, шериф.

Нина смолкла, и шериф произнес:

– Тогда прошу вас проехать со мной в участок, сэр. Это суцая формальность, уверяю вас!

Ну да, сколько людей слышали это – и потом оказались в кутузке на *долгие-долгие* годы.

В кутузку, в особенности *американскую*, да еще образца *1947 года*, Нина попадать на намеревалась – ведь ее целью было засадить туда мерзавца Г.Г., который в данный момент наверняка уже начинает подбираться к Лолите.

– Не вижу для этого оснований, шериф!

Рука шерифа переместилась с пояса на кобуру, и представитель правопорядка произнес:

– А как насчет *этого* основания, сэр?

Нина вздохнула. Ну ладно, проедет с шерифом, если повезет, то он ее отпустит восвояси, а нет, так она через свою дверь уйдет обратно.

Жаль, что в *этот* раз ничего не вышло! Значит, придется снова вояжировать в роман Набокова. А ведь так хорошо все начиналось...

Но главное – не терять головы и не уходить обратно *раньше* времени.

Нина вздохнула:

– Что же, шериф, аргумент более чем убедительный. Так как мне скрывать нечего, то я охотно проеду с вами в участок. Вы ведь предложите мне кофе?

Не терять голову и не лебезить – тогда все будет нормально.

Ну, или *нет*.

Эскортировав ее к своему автомобилю, шериф распахнул заднюю дверцу, и Нина заняла место в его зарешеченной части.

Она заметила, как старушка Визави, наблюдавшая за этой сценой, явно удовлетворенно кивнула головой и наконец-то задернула занавеску.

А по Лоун-стрит пронесся на ярко-красном велосипеде

вихрастый рыжий мальчишка, управляющий своим транспортом при помощи ног и с упоением грызущий большое сочное зеленое яблоко.

Затормозив на мгновение перед автомобилем шерифа, мальчишка, переложив яблоко из одной руки в другой, показал Нине малиновый язык, а потом унесся прочь.

Девушка снова вздохнула. Ну да, мальчишка, грызущий яблоко и показывающий ей язык, был непременным атрибутом всех ее литературных приключений, своего рода повторяющимся элементом, ее личным знаком качества.

Шериф же, перед тем как захлопнуть дверцу, произнес:

– Сэр, еще раз прошу продемонстрировать мне содержимое вашей сумки!

Ну да, показать шерифу пакет с кокаином и загреметь лет на двадцать в тюрьму штата Нью-Гэмпшир? Можно, конечно, заявить, что сэр заходил к Гейзихе, чтобы забрать наркотики у курьера, мсье Гумберта, но ведь Шарлотта в два счета опровергнет эти наветы.

– Можете попросить, шериф. Но я вам *не* покажу.

Шериф снова усмехнулся:

– Ну, в участке придется, сэр. А как насчет ваших документов, их вы тоже не продемонстрируете?

Нина вынула из кармана пиджака водительское удостоверение на имя Юджина Дорна и протянула его шерифу. Тот, повертев удостоверение, сказал:

– Что же, мистер Дорн, добро пожаловать в Рамздэль.

И, похоже, это был не сарказм и не ирония, а полная гостеприимства фраза провинциального шерифа.

Тут взгляд Нины упал на нашивку на рубашке шерифа. Она имела дело с шерифом по имени *Джон Шейд*.

Нина громко рассмеялась.

Шериф в непонимании уставился на нее:

– Сэр, что-то не в порядке?

– О, шериф Шейд, все отлично, просто отлично! Ну что же, поедem к вам в участок?

Они тронулись в путь, а Нина все еще продолжала улыбаться. Ну да, шериф Джон Шейд – это своего рода *литературный* экивок. Ведь Джон Шейд – центральный персонаж другого, по мнению многих высоколобых экспертов, *лучшего* романа Набокова, «Бледный огонь».

Итак, мир *одного* романа причудливым образом переплелся с *другими*.

Тем временем они катили по Рамздэлю (ну да, точно, ильмы и белая церковь, причем *не одна*), и Нина, все еще иронизируя по поводу имени шерифа, попыталась сконцентрироваться над тем, как ей выкрутиться.

Похоже, *никак*. Потому что те три, или сколько там, фунта кокаина, которые она не без проблем приобрела в Нью-Йорке, окончательно убедят шерифа Шейда в том, что он имеет дело с опасным преступником.

А если он еще попутно выяснит, что сэр вовсе *не сэр*, а *леди*, а водительские права поддельные...

М-да.

Оставался один выход: *дверь!*

Поэтому, приняв решение, которое ей не так уж нравилось, точнее, *совсем даже*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.